

Н. Г. Чернышевский, как философ

(к 50-летию со дня смерти)

Н. Г. Чернышевский принадлежит к числу таких энциклопедических гениев, которые подобно Марксу, Энгельсу, Ленину и Сталину, оставляют глубочайший неизгладимый след в самых разнообразных областях научного и революционного творчества. В условиях мрачного реакционного феодально-монархического режима Николая I Н. Г. Чернышевский сумел подняться на такую высоту научной мысли, что заслужил от Маркса характеристику — великого русского ученого. Насколько искусственно были сужены гениальные возможности научного творчества Н. Г. Чернышевского, можно судить уже по одному тому, что его непрерывная научно-публицистическая деятельность (в «Отеч. зап.» и «Современнике»), по существу говоря, охватывала небольшой период времени всего только в 9 лет — с 1853 по 1862 год, а треть своей жизни он провел в крепости, тюрьме и ссылке, как скованный революционный прометей — узник царизма.

В историю русской общественной мысли Н. Г. Чернышевский вошел, прежде всего, как революционный мужицкий демократ, идеолог крестьянской революции, великий просветитель и утопический социалист. Все свое многообразное творчество — философа, экономиста, литературного критика и теоретика эстетики, публициста и историка он целиком подчинил основной задаче всей своей жизни — служению народу, революции. Именно это и побуждало Н. Г. Чернышевского со школьной еще скамьи мучительно искать путей для выработки научного мировоззрения.

Г. В. Плеханов в своей монографии о Н. Г. Чернышевском, критикуя его рационализм в вопросах философии истории, явно недооценивал его социально-политическую деятельность, его деятельность, как революционера-демократа.

Н. Г. Чернышевский был решительным противником «чистой» науки, «чистого» искусства, абстрактно-умозрительной идеалистической философии, парящих над материальной действительностью. В науке, философии, искусстве Н. Г. Чернышевский искал ответов на самые болезненные, самые животрепещущие вопросы жизни. Свои философские воззрения Н. Г. Чернышевский излагал во множестве работ, написанных на самые разнообразные темы, и специализированных философских работ (за исключением «Антрополог. принципа» и «Характер человеческого знания») не писал. Однако, лучшие работы Чернышевского на литературно-критические и социально-политические темы являются как бы опытами приложения его философского миро-

воззрения к разработке специальных проблем. К ним, кроме «Антропологического принципа», относятся «Очерки гоголевского периода», «Эстетические отношения искусства к действительности», «Критика философских предубеждений против общинного землевладения», «Полемические красоты», «Лессинг», «Очерк научных понятий» и замечательно яркие статьи, посвященные крупнейшим революционным событиям новейшей истории. Для изучения философских взглядов Н. Г. Чернышевского исключительную ценность представляют его «Письма из Сибири» к родным и «Дневник». Философское мировоззрение Н. Г. Чернышевского сложилось в неразрывной, тесной связи с его социально-политич. интересами. Н. Г. Чернышевский, еще до того, как успел ознакомиться с виднейшими представителями классической германской философии, жадно читает Луи-Блана, Ламене, Гизо, С.-Симона, Фурье, «Debats» «Revue dd' Mondes» и будучи еще 20-летним юношей становится уже решительным приверженцем идеалов общественного равенства и свободы и методов революционного преобразования социальных отношений.

Подобно Белинскому и Герцену Н. Г. Чернышевский в процессе формирования своих философских взглядов свое внимание очень рано обратил на философию Гегеля. В октябре 1848 г. Н. Г. Чернышевский в «Дневнике» пишет о том, что он «решительно принадлежит Гегелю» и что предчувствует, что увлечется Гегелем. Это, однако, не мешало Н. Г. Чернышевскому, благодаря изумительному революционному чутью, несколько позднее, после ознакомления с «философией права» Гегеля, притти к своему основному и безусловно оригинальному взгляду на философию Гегеля: уже 27/I 1849 г. Н. Г. Чернышевский пишет про Гегеля: «Строгих выводов не вижу еще, а мысли большей частью не резкие, а умеренные, не дышат нововведениями».

Гегеля Н. Г. Чернышевский уже тогда называл «рабом настоящего положения вещей, настоящего устройства общества, так что даже не решается отвергать смертные казни» и проч. Он находит, что выводы его работы робки и главное не объясняют, «что и как должно быть вместо того, что теперь есть». Значительно позже в «Очерках гоголевского периода» Н. Г. Чернышевский по существу воспроизводит свою раннюю юношескую оценку философии Гегеля: «Мы столь же мало последователи Гегеля, как и Декарта или Аристотеля. Гегель уже принадлежит истории, настоящее время имеет другую философию» и хорошо видит недостатки гегелевской системы. В предисловии к третьему изданию «Эстетических отношений» Н. Г. Чернышевский пишет, что в подлиннике Гегель ему понравился гораздо менее, нежели он ожидал по русским изложениям. — «Причина, говорит Н. Г. Чернышевский, заключается в том, что русские последователи Гегеля излагали его систему в духе левой стороны гегельянской школы. В подлиннике Гегель оказывался более похож на философа XVII века и даже на схоластиков, чем на того Гегеля, каким являлся он в русских предложениях его системы».

В своих работах Н. Г. Чернышевский отмечает, что «система Гегеля не удовлетворяет современным понятиям», что содержание этой системы «совершенно не соответствует тем принципам, которые провозглашены ею», что несмотря на поразительную глубину мысли великого философа, его «выводы мелки и отчасти даже пошловаты».

Замечательной оригинальной особенностью и несомненной исторической заслугой великих русских просветителей — Белинского, Герцена, Н. Г. Чернышевского — является то обстоятельство, что они самостоятельно и независимо от Запада сумели, подобно Марксу и Энгельсу, разглядеть в философии Гегеля ее рациональное зерно — диалектику, столь метко названную Герценом «алгеброй революции». Н. Г. Чернышевский не отвергал следовательно всего Гегеля. Напротив, Н. Г. Чернышевский всегда глубоко чтит гений Гегеля и из далекой ссылки в Вилуйске в 1875 г. писал о том, что «Гегелю, по силе ума и громадности знаний, никто из нынешних учителей в подметки не годится». Н. Г. Чернышевский отчетливо видел решающее противоречие гегелевской философии — противоречие между его системой и методом. Он находил, что умозрительная идеалистическая система Гегеля закрывает дорогу к пониманию конкретного, действительности, ибо понимает и то и другое, лишь, как обнаружение абсолютной идеи. Абсолютный идеализм Гегеля природу и общество рассматривает, как стороны в самораскрытии абсолютного духа. Идеалистическая философия Гегеля не может поэтому быть философией жизни, действительности, она подчиняет практику отвлеченной абстрактной теории.

Спустя три месяца после первого ознакомления с Гегелем Н. Г. Чернышевский читает известное сочинение Л. Фейербаха «Сущность христианства». Именно это произведение Л. Фейербаха произвело исключительное, по словам Энгельса, впечатление на Маркса и окончательно определило формирование его материалистического мировоззрения.

Герцен также пришел в подлинный восторг, когда ознакомился с «Сущностью христианства» Л. Фейербаха. Такое же сильное впечатление эта замечательная книга великого германского материалиста произвела на Н. Г. Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский остался почитателем и приверженцем материалистической философии Л. Фейербаха. В своей основной философской работе «Антропологический принцип» Н. Г. Чернышевский выступает, как последовательный защитник фейербахианского материализма. Эстетические воззрения Н. Г. Чернышевского, его основной эстетический принцип — «прекрасное есть жизнь» — сложились всецело под влиянием философии Л. Фейербаха.

Нам удалось при работе над рукописью магистерской диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», хранящейся в Саратовском Доме-музее им. Н. Г. Чернышевского, установить в предисловии к третьему изданию «Эстетических отношений» очень важные, в печати, по цензурным мотивам, исключенные слова:

«Точно в таком же смысле должно понимать и все другие упоминания автора о системе понятий, которую применяет он к разъяснению эстетических понятий. Это значит, что понятия, на которых останавливается он в своем анализе, приобретены им от Фейербаха, а под системой господствующих понятий, неосновательность которых доказывает он, должно всегда понимать метафизическую философию и, в частности, систему Гегеля».

Антропологизм, натурализм, созерцательный характер философии

Л. Фейербаха характеризуют также и философские воззрения великого русского материалиста.

Однако, и в отношении к Л. Фейербаху сказался оригинальный творческий склад ума Н. Г. Чернышевского. В отличие от Л. Фейербаха Н. Г. Чернышевский не выбрасывает за борт вместе с идеалистической системой Гегеля и его диалектический метод, учение о развитии.

Подобно всем великим русским просветителям Н. Г. Чернышевский, в отличие от Л. Фейербаха, тесно связывает свое философское мировоззрение с своей революционной политической практикой. Н. Г. Чернышевский в диалектическом методе Гегеля усмотрел единственно научный метод познания, обязательный для всех наук. Диалектический метод обеспечивает всестороннее изучение предмета, конкретность анализа, убеждает в отсутствии застойных, неподвижных форм в развитии природы, общества и мышления.

Оригинальной особенностью философского творчества Н. Г. Чернышевского является то, что он выступил на арену литературного творчества сразу же с философией, своеобразно синтезирующей материализм Л. Фейербаха и диалектический метод Гегеля. В этом была и сильная и слабая сторона философских воззрений Н. Г. Чернышевского. Сильная заключалась в диалектическом методе познания, в основном воспринятом Н. Г. Чернышевским, слабая — в созерцательном, антиисторическом характере феербахианского антропологического материализма.

На воззрения Н. Г. Чернышевского, в особенности на обоснование монистического взгляда на природу и борьбу с психо-физиологическим параллелизмом и дуализмом, несомненно оказал значительное влияние и Б. Спиноза.

При работе над оригиналом рукописи «Лессинг», хранящейся в Саратовском музее имени Н. Г. Чернышевского, нам удалось установить, выпущенную в печать, фразу, свидетельствующую о том, как высоко Н. Г. Чернышевский ценил Спинозу. Впрочем, это несомненно явствует и из ряда других высказываний Н. Г. Чернышевского.

Под философией Н. Г. Чернышевский понимал решения самых общих вопросов науки, относя сюда вопросы об отношении духа к материи, о свободе человеческой воли, о бессмертии души и т. п. В ответе на основной философский вопрос об отношении мышления к бытию — Н. Г. Чернышевский правильно видел решающее основание для разграничения различных философских систем. Цель философии Н. Г. Чернышевский видел не в заумных абстрактно-метафизических мудрствованиях, а в том, чтобы «понять и объяснить действительность, потом применить ко благу человека свои объяснения». Под действительностью Н. Г. Чернышевский понимал не призрачный, идеальный, духовный мир идеалистической философии, а мир объективный, материальный, вне человеческого сознания существующий, отношения человека к предметам и существам этого объективного мира и, наконец, мир внутренних душевных переживаний человека. Следовательно, объектом философии Н. Г. Чернышевский считал внешний мир, природу «то, что существует». То, что существует — вещество и «называется

материю» («Чернышевский в Сибири», в. III, стр. 27). Материя одна и едина. Многообразные сцепления различных однородных частей материи порождают качества. Действие, движение материи и выражается в образовании указанных качеств. В каждом предмете происходит непрерывный процесс его развития, порождающий «формы, состояния, отношения вещества». Так вода в капельножидком состоянии, разумеется, отличается от воды в состоянии замерзания или пара. Но неизменным остается субстрат всех этих различных состояний вещества. И вот этот-то субстрат, «вещество, как неизменное вещество» Н. Г. Чернышевский называет качеством. Основными качествами вещества, т. е. материи, Н. Г. Чернышевский считает вес и величину, т. е. дает материи исключительно количественную характеристику, оставаясь в целом на позициях механистического материализма.

Таким образом Н. Г. Чернышевский основной философский вопрос—его первую онтологическую сторону—о сущности мира—решает совершенно материалистически: мир, природа не инобытие абсолютного духа, как доказывал Гегель, и не комплекс ощущений, как утверждали Беркли, Юм, махисты, а объективная вне нас существующая единая и единственная материя. Материальное единство мира находит свое выражение в единстве, универсальности всеобщих законов природы, которым подчиняется мир неорганический и органический, явления физиологические также, как и явления сознания. Чернышевский, как и все великие материалисты, придавал огромное значение развитию естествознания для выработки строгого научного мировоззрения. Философский материализм в своих выводах в значительной мере опирается на данные естествознания. Естествознание, изучая многообразные процессы, происходящие в природе, ведет неизбежно к изгнанию всякой мысли о дуализме во вселенной, содействует обоснованию принципа материального единства мира и господствующей в нем всеобщей закономерности. Естествознание не оставляет в истолковании процессов природы никакого места вмешательству сверхъестественной силы и телеологического начала. Естествознание с неумолимой силой, стихийно влечет к материализму. Это и понятно, так как, пишет Н. Г. Чернышевский в письмах из Сибири (В. П., стр. 48), «естествознание изучает материю и способы существующих в ней качеств. О материи оно старается узнать факты, в изучении способов ее действия оно старается находить формулы законов природы».

Н. Г. Чернышевский сообщает, что он с молодости твердо держится «того образа мыслей, которого стараются держаться корифеи естествознания, большинство из них не очень то успешно, хоть усердно стараются». Н. Г. Чернышевский стоял на уровне научных знаний своего времени и был прекрасно ориентирован в научных построениях таких гигантов естествознания, как Ньютон, Лейбниц, Лаплас, Лайель, Ламарк. В них его больше всего привлекали принципы механистической закономерности, детерминизма и трансформизма. Придавая большое значение естествознанию в выработке научного материалистического миропонимания, Н. Г. Чернышевский в то же время

убежден в том, что интересы дальнейшего развития естествознания требуют его органической и сознательной связи с данными научной материалистической философии.

Н. Г. Чернышевский решительный противник узкого ограниченного вулгарного эмпиризма. Он резко бичует тех натуралистов, которые «не имеют порядочного общего ученого образования, а поэтому, когда вздумается им пофилософствовать, философствуют вкривь и вкось, как попало». Такой взгляд Н. Г. Чернышевского на взаимоотношения философии и естествознания очень близок к аналогичным высказываниям Ф. Энгельса в «Диалектике природы». От развития естествознания Н. Г. Чернышевский ожидает все большего и большего притока конкретного материала в деле изучения материальной действительности. Но он непоколебимо убежден в том, что это развитие естествознания ни в коем случае не может поколебать существа материалистической философии, того решения основного вопроса, которое она дает.

Именно, исходя от данных естествознания, Н. Г. Чернышевский черпает аргументы в пользу антропологизма Л. Фейербаха. Благодаря естественным наукам в философии прочно укоренилась идея о единстве человеческого организма. Исходя от единства человеческого организма, единства тела и души, опровергая философский дуализм, Н. Г. Чернышевский обосновывает и материальное единство всего мира и наличие в нем единой закономерности. По мнению Н. Г. Чернышевского, основным «принципом философского воззрения на человеческую жизнь со всеми ее феноменами служит выработанная естественными науками идея о единстве человеческого организма; наблюдениями физиологов, зоологов и медиков отстранена всякая мысль о дуализме человека. Философия видит в нем, что видит медицина, физиология, химия».

Н. Г. Чернышевский высоко ценил Л. Фейербаха более всего за то, что он, исходя от единства человеческого организма, пришел к материалистическому решению вопроса об отношении мышления к бытию.

Н. Г. Чернышевский убежден не только в том, что вся природа материальна и что нет в ней места автономному существованию души, как самостоятельной субстанции — Н. Г. Чернышевский отчетливо защищает и вторую черту философского материализма — первенство материи по отношению к сознанию и следовательно определяемость сознания бытием. При изучении человека, доказывает Н. Г. Чернышевский, надо начинать не с психологических и нравственно-философских вопросов о человеке, а с анализа происходящих в нем материальных процессов, с изучения его, как «существа, имеющего желудок и голову, кости, жилы, мускулы и нервы». Совершенно очевидна узость и ограниченность антропологического материализма Н. Г. Чернышевского. Человек рассматривается Н. Г. Чернышевским, подобно Л. Фейербаху, как существо физиологическое, а не социальное. Единство субъекта и объекта, с антропологической точки зрения, дано только в человеческом организме, а не в общественно историческом процессе развития человека.

Эту ограниченность, натуралистический характер материализма Н. Г. Чернышевского не следует упускать из виду.

Необходимо подчеркнуть еще и другую особенность философских воззрений Н. Г. Чернышевского, существенно отличающих его от философии диалектического материализма. Я имею в виду наличие серьезных моментов механистической методологии в философской теории Н. Г. Чернышевского. В борьбе с идеалистической теорией витализма, совершенно отрывающей процессы жизни от физико-химической основы, Н. Г. Чернышевский стирает по существу качественные грани между органическим и неорганическим миром. По мнению Н. Г. Чернышевского здесь, как он говорит сам, «разница количественная не больше». В своей механистической теории сведения Н. Г. Чернышевский уходит так далеко, что даже разницу в процессах, происходящих в нервной системе Ньютона при открытии закона тяготения, и в нервной системе курицы, отыскивающей овсяные зерна в куче сора и пыли, Н. Г. Чернышевский видит всего только в «размерах процесса».

Механистическая теория сведения приводит Н. Г. Чернышевского к тому, что он в физиологии видит только отрасль химии, в ощущениях, как и дыхании и кровообращении, лишь некий химический процесс. Справедливость требует, однако, отметить, что при всем том Н. Г. Чернышевский не сводил, как в этом его упрекал мракобес профессор богословия Юркевич, явлений сознания попросту к механическому движению материи, как это делали вульгарные материалисты — Бюхнер, Фохт. Н. Г. Чернышевский, напротив, доказывает, что материя и сознание являются различными формами обнаружения единой материальной субстанции. Удивляться этой непоследовательности во взглядах Н. Г. Чернышевского нет оснований — в его философской теории наряду со значительными моментами фейербаховского натурализма и механицизма имеется и ряд замечательно глубоких диалектических мотивов.

Не следует забывать своеобразия философской теории Н. Г. Чернышевского, своеобразной амальгамы созерцательного метафизического материализма Л. Фейербаха с диалектикой Гегеля. При этом заслугой Н. Г. Чернышевского является то, что он очистил диалектику Гегеля от мистики идей, от абсолюта, от боженьки. А недостатком Н. Г. Чернышевского в вопросах методологии, в силу механистических его тенденций, является недостаточное понимание решающего закона диалектики — закона единства противоположностей, их взаимопроникновения и борьбы, не отчетливое также понимание закона перехода количества в качество и обратно.

Н. Г. Чернышевский более всего ценил в диалектике Гегеля — общий принцип развития, преобразования действительности — природы и общества, принцип всеобщей связи явлений. Универсальный закон диалектического развития Н. Г. Чернышевский замечательно формулирует, как вечную смену форм, вечное отвержение формы, порожден-

ной известным содержанием или стремлением, и утверждает, что тот, кто понял этот великий, вечный и повсеместный закон и приучился применять его ко всякому явлению, тот спокойно призывает шансы, которыми смущаются другие, и не жалеет ни о чем, отживающем свое время. Прогрессивный и революционный по существу принцип диалектики внушает Н. Г. Чернышевскому бодрость и уверенность, и он, не взирая на густой мрак николаевской реакции, восклицает: «Пусть будет что будет, а будет, в конце концов, все-таки на нашей улице праздник».

Значение диалектического метода Н. Г. Чернышевский видит также и в том, что он обеспечивает всестороннее рассмотрение изучаемого предмета, во всех связях и опосредствованиях, как говорил В. И. Ленин.

Диалектический метод требует от мыслителя, чтобы он не успокаивался ни на каком положительном выводе, а искал нет ли в предмете, о котором он мыслит, «качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд».

При решении второй стороны основного философского вопроса — теоретико-познавательного, — об отношении мышления к бытию, об источниках, границах и критерии истинности познания, — Н. Г. Чернышевский является до конца последовательным материалистом.

Н. Г. Чернышевский твердо убежден в том, что основой нашего познания является материал чувственных восприятий, источник которых коренится в объективном материальном мире и его влиянии на внешние органы чувств.

Н. Г. Чернышевский понимает в то же время недостаточность одного лишь непосредственного чувственного восприятия мира.

Чувственные восприятия могут давать и искаженную картину действительности. — «Мы, писал по этому поводу Н. Г. Чернышевский, подвергаем различного рода исследованию данные самих органов чувств, ибо не подлежит сомнению, что эти органы могут заблуждаться». Познание только тогда дает нам адекватное, верное отражение объективной действительности, если оно учитывает все конкретные особенности и своеобразие изучаемого процесса.

Диалектический метод обязывает к всестороннему, а это значит конкретному, изучению предмета. Следовательно, исследователь никогда не должен забывать, что «отвлеченной истины нет, истина всегда конкретна», т. е. определенное суждение можно произносить только об определенном факте, рассмотрев все обстоятельства, от которых он зависит». (Н. Г. Чернышевский, «П. С. Соч.», т. II, стр. 137).

Критерий истинности познания Н. Г. Чернышевский находит в практике. — «Практика, писал он в «Характере человеческого знания», этот непреложный пробный момент всякой теории, должна быть руководительницей нашей и здесь». — «Дело есть истина мысли... Практика великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах чувства и мысли».

Такое понимание практики, как критерия истинности познания, выгодно отличает Н. Г. Чернышевского от Л. Фейербаха. Однако, и

Н. Г. Чернышевский под практикой еще не понимал производственной, революционно-практической деятельности человечества. Не видел он также в так понимаемой практике источника и основы всего процесса познания.

Придавая огромное значение в деле прогресса общественной жизни науке, философии, искусству и просвещению и исходя от безусловного признания существования вне нашего сознания объективного материального мира, Н. Г. Чернышевский никогда не сомневался в объективной достоверности наших знаний и был непримиримым врагом всех видов агностицизма. Из исторической ограниченности, относительности наших знаний агностики, кантианцы, махисты и позитивисты делают неверные ни на чем необоснованные выводы об абсолютном их релятивизме (познания) и отвергают на этом основании существование объективной истины. Н. Г. Чернышевский называет абсолютный релятивизм, агностицизм «иллюзионизмом», философией, противоречащей здравому смыслу, новой формой средневековой схоластики. По справедливому замечанию Н. Г. Чернышевского, агностицизм, отрицание объективной истины неизбежно связаны с отрицанием существования объективного материального мира. С точки зрения подобной субъективно-идеалистической фантастической философии, «то, что представляется нам, как внешний мир — галлюцинация нашей мысли; ничего подобного этому призраку не существует вне нашей мысли и не может существовать. Н. Г. Чернышевский зло и едко бичует философию иллюзионизма — Беркли, Юма, Канта и проч. В письме из Сибири от 23 апреля 1876 г. Н. Г. Чернышевский справедливо объясняет «нелепости» Канта, «вычитанные из Юма», «тогдашними обстоятельствами положения науки в Германии» и объявляет философию Канта «неизбежной сделкой научной мысли с не научными условиями жизни». Н. Г. Чернышевский пишет о том, что известный математик Гаусс, «побывавши в переделке у Канта» усомнился в аксиомах элементарной геометрии, что Кант встряхнул его так, что у него помутились мысли. Н. Г. Чернышевский упрекает натуралистов в том, что они некритически относятся к философии Канта и «повторяют метафизическую теорию Канта о субъективности нашего знания».

В вопросе об объективной достоверности наших знаний к философии Н. Г. Чернышевского вполне применимы слова товарища Сталина: «В противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины, и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой, — марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики» (Сталин «Вопросы ленинизма, 11-е издание, 1939 г., стр. 543).

«Для Чернышевского, как и для всякого материалиста, — говорит Ленин, — предметы, то есть... «вещи в себе» действительно существуют и в о л н е познаваемы для нас». (Ленин, Соч., т. XIII, стр. 294). — В разрешении основного вопроса философии, вопроса об

отношении мышления к бытию «Н. Г. Чернышевский, по словам Ленина, стоит вполне на уровне Энгельса».

Чернышевский умел в различных философских системах вскрывать их партийность, их классово служебную роль.

Мы не имеем возможности здесь подвергать специальному анализу общественно-исторические взгляды Н. Г. Чернышевского. Достаточно отметить, что в своих замечательных по глубине теоретического анализа и обилию фактического материала исторических статьях Н. Г. Чернышевский очень часто подымался на высоту глубокого понимания роли классов и классовой борьбы в историческом процессе и определяющего значения экономики. Но в целом в вопросах философии истории Н. Г. Чернышевский, как и все просветители, оставался на идеалистических, рационалистических позициях. Прогрессу разума, наук, знаний великий русский просветитель придавал весьма часто направляющее и определяющее значение в жизни общества. Рационализм Н. Г. Чернышевского в вопросах объяснения истории, разумеется, тесно связан как с его фейербахианством, так и с его утопическим социализмом.

Условия философского развития Н. Г. Чернышевского и главным образом его вынужденный на протяжении 21 года отрыв от зап.-европейской мысли помешали ему своевременно ознакомиться с творениями Маркса и Энгельса и привели к известной отсталости его философских воззрений по сравнению с философией диалектического материализма.

Именно потому В. И. Ленин считал Чернышевского «единственным действительно великим» русским писателем, который сумел с 50-х годов вплоть до 1888 года остаться на уровне цельного философского материализма и сбросить жалкий вздор неокантианцев, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее, не мог, в силу отсталости русской мысли, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса».

Всю жизнь Н. Г. Чернышевский — воинствующий материалист и революционный демократ, великий русский ученый и социалист — мечтал о том, чтобы сделать материалистическое мировоззрение достоянием трудящихся, «простолюдина». По глубокому убеждению Чернышевского, яркий свет научного материалистического мировоззрения должен был поднять сознание трудящихся и указать им выход из гнетущего мрака социального рабства. «Когда, писал он (Чернышевский Н. Г., т. VI, стр. 205), придет такая пора, когда представители элементов, стремящихся теперь к пересозданию западно-европейской жизни, будут являться уже непоколебимыми в своих философских воззрениях, это будет признаком скорого торжества новых начал и в общественной жизни западной Европы».

Дело, за которое боролся и отдал свою замечательную жизнь великий русский революционный демократ и воинствующий материалист Н. Г. Чернышевский, не заглохло в песках истории. Его мечты сбылись на одной шестой части земного шара. На гранитной основе философского диалектического материализма Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина победили «новые начала общественной жизни» — победил социализм.
